

Зеркало

В тонком слое амальгамы,
так банальной на излом,
отраженье нежной дамы
прорастает за стеклом.

Я стараюсь, я рисую,
выпадая в забытьё,
поминаемое все
отражение её.

Я рисую, как умею,
отдавая дань вину.
Я от нежности немею,
неумение кляню.

От отчаянья недужен,
не смущаясь, признаю –
это таинство люблю,
возникающее вчуже.

Я в мерцаньи этом таю
и восторга не таю,
понемногу привыкаю,
привыкая – узнаю.

Привыкаю к вечной тризне
у невечного огня.
Очерк тихой хрупкой жизни
не выходит у меня.

В тонком слое амальгамы
за серебряным стеклом
образ нежной юной дамы
нарисую я потом.

Нарисую, нарисую –
и тому даю обет –
не помянутое все

то, чему названья нет:

это зыбкое молчанье,
эти тени на стене
и движений волхованье
в опрокинутом стекле,

эти прятки с кружевами
нежной трепетной груди,
и чулочки на диване...
этот вырез впереди,

этот пуфик и сонетку
с сонной кошкой на полу,
и флакончик, и салфетку
с круглой бусинкой в углу...

Сценка глупая, смешная –
неминуемая в том,
что мы жизнью полагаем,
убеждённые в ином –

понимаемая смутно
в этой зыбкой мишуре –
в жизни, в общем, неудобной –
с недоверием к игре –

в чём и большего не надо,
в чём сошёлся белый свет,
и обманчива отрада,
и, быть может, смысла – нет...